

801-11
838

Обзоръ управленія П. А. Столы- пина.

1-го Апрѣля въ „Р. З.“ появилась статья А. А. Майкова подъ заглавіемъ „Свершается“.

„Нѣтъ худа безъ добра!“ Если собраніе, засѣдающее въ Таврическомъ дворцѣ не принесло никакой пользы въ смыслѣ созидательной Государственной дѣятельности, то оно имѣло то хорошее значеніе, что сильно способствовало выясненію и обостренію многихъ вопросовъ, заставило опредѣлиться многое, до сихъ поръ неясное, — заставило договорить то, что по многимъ соображеніямъ предпochиталось оставлять недоговореннымъ. Такъ какъ всякая недомолвка, всякое недоразумѣніе еще никогда не приносило пользы, то нельзя не порадоваться этому явленію въ такое смутное, полное всякой путаницы, время.

Въ дѣйствіяхъ нашего правительства замѣчается новое, съ каждымъ днемъ усиливающееся направленіе. Оно ясно и опредѣленно своими дѣйствіями показало свое отношеніе къ „правымъ“ вообще, къ монархическимъ партіямъ въ частности.

Тяготѣвшее надъ вами, исповѣдниками искреннихъ русскихъ началъ, недоразумѣніе, наконецъ, расбѣивается.

Правительство безстрашно накладываетъ на насъ свою всеозрушающую длань, которую боится положить на революціонеровъ.

2007083437

Н.В.

Въ чемъ же наша вина? Бранить ту или другую партію или союзъ, критиковать ихъ дѣятельность, выпучивать отдѣльныхъ дѣятелей легко. Топтать ихъ въ грязь, ставить на одну доску съ крамольниками, называть потомками дикой татарщины, — дѣло, не требующее особенно выдающихся способностей. Но врядъ ли безпристрастный историкъ такъ отнесется къ русскимъ православнымъ союзамъ и ихъ работникамъ. Можетъ быть, онъ найдетъ, что за 17 мѣсяцевъ своего существованія ими совершена богатырская работа, что нужна была глубокая искренность убѣжденій, вѣра въ то, во что нельзя не вѣрить, чтобы въ минуту паники выступать открыто съ поднятымъ забраломъ противъ революціонныхъ разъяренныхъ стихій.

Можетъ быть, будущій историкъ удивится, что люди безвѣстные, безъ всякихъ средствъ, безъ власти, безъ денегъ, безъ оружія, поднявшіеся во всѣхъ концахъ Россіи — сдѣлали то, чего правительство никогда не могло сдѣлать, несмотря на всѣ свои арсеналы, — образовать могущественную партію, имѣющую одну цѣль — возродить Россію. Откуда взялись десятки — если не сотни — газетъ, журналовъ, къ которымъ создавалась теперь уже громадная литература, проникнутая мыслью — возродить Родину!

Обвиняютъ насъ, что мы только „ура!“ кричимъ, да молебны служимъ (1), а откуда раздался единственный разумный голосъ по самому острому, земельному вопросу, въ то время, когда уже правительство готово было идти на самыя безумныя капитуляціи?

Единственный путь, по которому возможно идти въ этомъ вопросѣ, съ чѣмъ уже согласилась большая часть Россіи и само правительство, — не на второмъ ли съѣздѣ монархистовъ указать онъ? Ужели общая молитва православныхъ не вызываетъ ничего, кромѣ насмѣшки.

* * *

Помню я, въ началѣ прошлаго года, бесѣду съ однимъ благочестивымъ старцемъ, умудреннымъ

наукою и житейскимъ опытомъ. Онъ находилъ ошибки въ образѣ дѣйствій монархистовъ. Онъ говорилъ: „Вы рано начали дѣйствовать; правительство вамъ не сочувствуетъ, оно стремится къ конституціи, къ ограниченію Царской власти, къ равноправію, къ космополитизму; но оно бессильно противъ революціи; оно васъ терпитъ, чтобы вы ставили васъ подъ пули революціонеровъ, подъ ихъ бомбы, подъ всѣ упаты помоевъ, въ видѣ клеветъ, лжи, изливаемыхъ на васъ „освободительной“ печатю, оно хочетъ сравнить васъ съ революціей, укрыться за вашей спиной, а тамъ, по минованіи надобности, васъ прихлопнуть, выпхвyrнуть, какъ уже ненужную вещь, дабы вы не мѣшали продолжать злостное дѣло насажденія въ Россіи жидовско-масонской конституціи. Оставьте въ покое революцію, пусть свершится то, чему суждено свершиться, — говорилъ старецъ, — а тогда придетъ и ваше время...“

Никто не говорилъ ему тогда; не могли допустить тогда русскіе люди, что можетъ быть въ Россіи такое Царское правительство, у котораго бы могли быть инныя цѣли, инныя завѣты, какъ тѣ, которые насъ воодушевляли, ради которыхъ ужъ многіе сложили свои головы.

Даже теперь, какъ очевидность бьетъ въ глаза, когда каждый день приносить новыя доказательства справедливости рѣчей старца, когда одинъ за другимъ смѣняются или подвергаются гоненіямъ сочувствующіе намъ чиновники и Царскіе слуги, когда съ каждымъ днемъ подъ недремляющимъ окомъ правительства безнаказанно истязаются, всѣчески преслѣдуются и убиваются наши единомышленники, когда каждый день намъ дѣлаютъ всевозможныя каверзы и ставятся хитрыя западни, изобрѣтаются всевозможныя стѣсненія, — даже теперь съ трудомъ приходится соглашаться съ очевидностью.

Мы помогли правительству дать отпоръ революціи. Правительство расхрабрилось.

Оно говорить революци: „Не запугаете“. Очевидно, оно гдѣ-то нашло себѣ какую-то таинственную опору.

Въ чемъ эта опора, какая это сила—мы не знаемъ.

Мы знаемъ, въ чемъ наша сила: это—вѣра въ Бога, вѣра въ исконныя русскія начала, надежда на милосердіе Божіе, сила безграничной преданности, идеѣ Самодержавнѣйшаго Царя, сила любви и преданности народу русскому. Мы знаемъ, что этой силы убѣжденія и чистоты у современнаго правительства конституціоналистовъ нѣтъ, и что оно никогда не будетъ располагать силою идеи, потому что у него нѣтъ идеи.

Между тѣмъ, противъ Церкви православной, противъ русскихъ началъ, противъ Россіи, противъ народа русскаго, противъ Царя, дѣйствуетъ тоже сила идеи. Какой щитъ нашло правительство противъ этой силы? Что оно можетъ противопоставить печати дьявола, если не Святой Крестъ Господень?

Или... Но—нѣтъ!.. Прочь ужасныя сомнѣнія!

Въ нашихъ партіяхъ и союзахъ есть, разумеется, и встрѣчаются небезгрѣшныя дѣятели, вешедшіе, кто изъ тщеславія, кто изъ расчета, кто по ошибкѣ, и иные—преслѣдуя свои сокровенныя цѣли; но миллионы русскихъ людей идутъ въ Союзъ Русскаго Народа вполне идейно, какъ борцы за правое дѣло. Къ вамъ, честные труженики,—къ вамъ, для которыхъ одна въ жизни цѣль—отстоять дорогіе заветы, не дать погибнуть началамъ, съ которыми неразрывно связана жизнь Россіи и ея народа,—къ вамъ я обращаю слово. Не берите на себя задачи непосильной, не вступайте въ неравный бой! Сражаться на два фронта—безумно. Уже Лейба Бертенсонъ засѣдаетъ въ Св. Синодѣ и наравнѣ съ православными епископами вырабатываетъ новыя положенія о таинствѣ брака! Уже бывшій президентъ южной республики—правда, недолго просуществовавшей—Пергаментъ засѣдаетъ въ Государственной Думѣ, въ комиссіи, имѣющей опредѣлять

положеніе въ Россіи православной Церкви, засѣдаетъ, вмѣстѣ съ гг. Шапиромъ и Абрамсономъ, причѣмъ въ этой комиссіи было отказано Православнымъ имѣть и своего представителя.

Когда римскіе цезари, по наущенію евреевъ, воздвигали гоненія на христіанъ, то они скрывались въ катакомбахъ, въ подземныхъ пещерахъ, и это не мѣшало имъ исповѣдывать св. вѣру, и дѣлать свое великое дѣло. И нынѣ на насъ воздвигнуто гоненіе, наша кровь пока еще льется ручьемъ, а скоро потечетъ потокомъ; революція чутка ко всякимъ вѣяніямъ—и каждый день приноситъ вѣсти о новыхъ убійствахъ среда насъ. Близокъ день, когда темницы широко откроютъ намъ свои двери. Идите Православные въ катакомбы! Пути Господа неисповѣдимы.

Скоро, скоро наступитъ время, когда не будетъ ни черныхъ, ни красныхъ, а будетъ одинъ обманутый русскій грозный народъ.

Тогда придетъ наше время! Тогда каждый получить по заслугамъ своимъ.

Господи, спаси насъ и помилуй!

* * *

Эта статья должна была обратить на себя вниманіе не только среди руководящихъ круговъ правыхъ партій, ибо слишкомъ близко касалась насъ, монархистовъ, но и вообще среди лицъ болѣе или менѣе активно принимающихъ участіе въ государственно-политической жизни современной Россіи. И я знаю, что она дѣйствительно произвела большое впечатлѣніе. Но тщетно я ждалъ или опроверженія или подтвержденія изложеннаго въ ней съ логически вытекающими изъ него выводами! Никто прямо печатно на нее не отозвался! *Боязнь это или неуверенность, незнаніе какъ отнестись къ сказанному?* А то можетъ быть просто нежеланіе до поры до времени рѣшать такой жгучій вопросъ—извѣстная выжидательная тактика?!

Мнѣ это все равно. Взглядъ вполне опредѣленный и смѣло думать вполне обоснованный, на

отношеніе Правительства къ правымъ партіямъ у меня установился съ момента возникновенія этого вопроса, т. е. съ момента образованія монархическихъ организацій и союзовъ.

И этотъ взглядъ какъ показало время оказался неосшибочнымъ, если же я его понынѣ не высказывалъ печатно, то потому, что говорить объ этомъ, признаваться въ этомъ, было очень и очень непріятно.

Однако время пришло. Молчать долѣе нельзя! Скажу даже болѣе, молчать долѣе преступно! Мы стоящіе у очага монархическо-національнаго движенія, поставленные, можетъ противъ нашего желанія, во главѣ его, должны опредѣленно и прямо сказать куда и на что ведемъ мы нашихъ сторонниковъ! Съ кѣмъ имъ придется бороться! на кого и на что они могутъ рассчитывать! и что ихъ ожидаетъ!

Мы вѣдь не революціонеры, которые обманываютъ народъ; не Гапоны, которые, обманнымъ образомъ, ведутъ народъ подъ пули!

Намъ нечего бояться открыть истину! Какъ бы она не была страшна и неприглядна, мы ею не испугаемъ нашихъ родныхъ стойкихъ борцовъ за правое дѣло! *Но мы должны сказать эту страшную правду, чтобы сохранить чистымъ родникъ питающій великое народное движеніе!*

Итакъ впередъ! Если я скажу что нибудь не такъ, то меня поправлять...

*
*
*

Когда въ Россіи при благосклонномъ содѣйствіи графа Витте, при участіи русскаго еврейства и оторванной отъ почвы чуждой по крови и по духу интеллигенціи, при непосредственномъ вліяніи всемірно-масонско-еврейскихъ организацій разразилась революція, то нашъ правящій классъ потерялся, не зная, что ему дѣлать, на кого опереться. Созданныя на спѣхъ правительственные партіи «Правовой порядокъ и 17 октября», очевидно не представляли надежнаго оплота противъ раз-

яренного, кровожаднаго и ненасытнаго звѣря-революціи. Вѣдь каждому было ясно, что можно жертвовать жизнью за идею равенства, братства и свободы, можно умереть отстаивая исконныя національныя начала Православія, Самодержавія и Народности, но, извините за выраженіе, никакой дуракъ не станетъ умирать за 17-е октября или правовой порядокъ. А между тѣмъ революція оказалась сильнѣе, чѣмъ рассчитывали! И оказалась она сильнѣе потому, что не учли народное недовольство бюрократическимъ строемъ, не учли того, что народъ раскусить фокусъ и не пойдетъ на удочку конституціи, которая ему ничего другого не общаетъ, какъ еще большаго гнета бюрократіи, собиравшейся пополнить свои ряды жидовствомъ.

А гдѣ-то тамъ на окраинахъ города собирается небольшая кучка людей. О чемъ-то совѣщаются и смѣются (о, дерзость!) говорить „о похороненномъ на вѣкъ Самодержавіи“. Телеграфъ начинаетъ приносить вѣзъ разныхъ уголковъ Россіи, что народъ, возмущенный жидовско-революционнымъ безобразіемъ, несмотря на полную свою неорганизованность, съ пѣніемъ молитвъ и народнаго гимна, начинаетъ самъ водворять спокойствіе и порядокъ, видя, что ждать пока это сдѣлаютъ власти, такъ никогда не дождешься. Вѣрные агенты доносятъ, что людей, собирающихся на окраинѣ города, собирается день ото дня все больше и больше. Туда идетъ и простолудинъ и баринъ и купецъ и рабочій. Цѣлыми кружками, обществами записываются въ какой-то союзъ! „Но вѣдь это все не серьезно?! Кто тамъ во главѣ?“ „Да какой-то лѣбаръ Дубровинъ, художникъ Майковъ, да какой-то должно неудачникъ инженеръ Тришатный“. „А остальные?“ „Ну, объ остальныхъ и говорить не стоитъ, *такъ, кака-то мразь*, ваше сіятельство!..“ „Итакъ ни одного громкаго имени, безъ денегъ, безъ силъ — это какіе-то психопаты! А какъ они говорятъ обо мнѣ?“ „Такъ что очень даже нехорошо... больно сильно ругаются, ваше

сіятельство". „Да! так... а впрочемъ надо быть конституціоннымъ! Пускай ругаютъ. Они создаютъ мнѣ рекламу, а когда они будутъ мнѣ опасны то я ихъ прикрою!" Это было въ октябрѣ 1905 г.

Въ ноябрѣ пришло прошеніе изъ Москвы о разрѣшеніи сѣзда землевладѣльцевъ. „Я, ваше сіятельство, имъ разрѣшу сѣзды". „Смотрите только, ваше превосходительство, какъ бы политиканствовать не вздумали! У нихъ тамъ что-то въ программѣ о самодержавіи и о прочемъ..." „Имъ не до политики, когда у нихъ все поразграбили, да посожгли". „Ну, ладно". И разрѣшили сѣзды. А сѣзды-то вышелъ политическій.

Сѣздалось нѣсколько сотъ человѣкъ сторонниковъ русскихъ началъ. Сговорились, положили начало единенію русскихъ людей, снарядили депутацію къ Царю и разѣхались работать на мѣстахъ для объединенія русскаго народа. И хоть очень этого не хотѣлось одному сіятельству, а депутація была принята Государемъ и принята очень милостиво.

Черезъ мѣсяцъ же, въ декабрѣ (23-го) представлялась вторая депутація, отъ Союза Русскаго Народа, насчитывавшаго уже нѣсколько десятковъ тысячъ членовъ. Эта депутація имѣла счастье поднести знакъ Союза и Государю и Наслѣднику. А милостивыя слова Государя депутаціи Союза, поставили послѣдній внѣ посягательствъ на него со стороны разныхъ недоброжелателей, хотя бы и столь могущественныхъ, какъ нѣкоторые сіятельства. И имъ пришлось скрѣпя сердце допустить его существованіе, давъ однако себѣ слово при первомъ удобномъ случаѣ его закрыть, ибо инстинктивно начали чувствовать въ немъ серьезнаго врага своимъ вождѣніямъ.

Остается нѣсколько неяснымъ какимъ образомъ они прозѣвали рожденіе столь крупной силы и почему они не пустили всѣ средства въ ходъ, чтобы уже разъ прозѣвать, все-таки добиться по ея адресу репрессій, а лишь выжидали удобнаго

случая. Вѣдь ловко пущенная провокація или что набудь въ этомъ родѣ, могло легко подвести столь юные и несложившіеся еще организмы, какъ монархическіе союзы и партіи подъ вару существующихъ законовъ, которые такъ ловко умѣютъ примѣнять исключительно по нашему адресу теперешнее правительство...

Объ этомъ разнѣ толкуютъ. Кто говорить, что не посмѣли, другіе, что не сѣмѣли. А есть нѣкоторые, что объясняютъ это совсѣмъ иначе — болѣе реально. Они говорятъ, что нашлось одно превосходительство, которое случайно имѣло въ рукахъ нѣкіе документы сильно компрометирующіе его сіятельство, благодаря которымъ и могло держаться на своемъ посту. А такъ какъ это превосходительство былъ человѣкъ преданный Царю и Родинѣ и отлично понимавшій всю цѣнность сохранять жизнь новымъ организаціямъ, то... Но мало-ли что говорить.

Но если нельзя было дѣйствовать прямо, то стали дѣйствовать косвенно. Было призвано одно преосвященство.

„До меня, ваше преосвященство, дошли свѣдѣнія, что нѣкоторые изъ вашихъ примкнули къ монархическому движенію и наставляютъ на томъ, что у насъ Неограниченное Самодержавіе. Вы конечно понимаете, что у насъ теперь конституціонный монархъ и если мы въ богослуженія не выкинули слово Самодержавнѣйшій, то только изъ боязни, чтобы народъ не возмущился. Пусть думаетъ, что Самодержавіе остается, а мы потихоньку введемъ конституцію. Такова воля Монарха. И если духовенству неудобно проповѣдывать новый строй, то пусть оно будетъ внѣ партій. Слышите! внѣ партій! Вы понимаете, что будущій патріархъ долженъ быть солидаренъ съ государственной властью, а потому я надѣюсь, вы умете не въ мѣру рыаныхъ цоборниковъ отжившихъ понятій!" Результатомъ этого внушенія явилось знаменитое синодское посланіе и гоненіе на Арсенія, Иліодора

и другихъ повыше ихъ стоящихъ въ духовной іерархіи.

Были призваны редакторы жидовско-освободительныхъ газетъ и имъ былъ отданъ слѣдующій приказъ:

„Ваша система замалчиванья никуда не годится! Монархическимъ движеніемъ пренебрегать нельзя. Если вы хотите съ нимъ бороться, то нужно его представить въ „истинномъ“ свѣтѣ, такомъ, чтобы всякій „культурный“ человѣкъ отъ него съ ужасомъ отшатнулся...“ Слѣдствія такого приказа усмотрѣть не трудно взявъ въ руки любой номеръ газеты изъ уличной жидовской и революціонной прессы. На перебой одна другую дополняя и соперничая другъ съ другомъ, они сообщали сенсационныя новости „о хулиганствахъ, грабежахъ, насилахъ, убійствахъ“, чинимыхъ будто бы союзниками. Не было той гнусной лжи и клеветы, которая не была бы пущена про правыя партіи. Все, что только могло создать грязное и разстроенное воображеніе подлыхъ клеветниковъ, все это непрерывнымъ потокомъ лилось со столбцовъ „освободительныхъ“ газетъ. Однако кромѣ этихъ двухъ шахматныхъ ходовъ нѣкоего сіятельства, если не считать мелкихъ укуловъ и препонъ, чинимыхъ ставленниками этого сіятельства, все шло болѣе или менѣе гладко. Если насъ и не поддерживали, то все-таки оставляли въ покоѣ работать...

Но вотъ подоспѣли выборы, а въ то же время у насъ стали усиленно циркулировать слухи объ уходѣ Витте. Многие изъ нашихъ чрезвычайно этому радовались, приписывая по моему мнѣнію его уходу черезчуръ большое значеніе.

Конечно было пріятно, что врагъ уйдетъ наконецъ съ поста премьеръ-министра, но еще былъ большой вопросъ кто его замѣнитъ. Во всякомъ случаѣ его преемникъ, при наличіи конституціоннаго учрежденія, т. е. Государственной Думы, да еще революціонной по составу, если даже онъ въ душѣ не былъ конституціоналистомъ, долженъ

былъ все же разыгрывать конституцію, а слѣдовательно не могъ быть солидаренъ съ нами. Да и кромѣ того Витте не у дѣлъ могъ быть одинаково опасенъ, какъ и въ бытность его министромъ...

Слухи оправдались! Какъ только Дума была собрана, кабинетъ Витте палъ и его замѣнилъ, какъ извѣстно, Горемыкинъ. Какъ относился самъ Горемыкинъ къ монархическому движенію я не знаю. Было время вѣдь, когда онъ слылъ за либерала (а либералъ, по тогдашней терминологіи, значило конституціоналистъ). Во всякомъ случаѣ за краткое время его пребыванія у власти, враждебныхъ шаговъ съ его стороны мы не видѣли. Отношеніе его можно охарактеризовать безразличіемъ. И думается мнѣ, что оно покоилось главнымъ образомъ на убѣжденіи, что мы не представляемъ никакой реальной силы.

Составъ Думы могъ для этого мнѣнія служить косвеннымъ подтвержденіемъ — правыхъ въ ней было нѣсколько человѣкъ. Не видя же въ насъ реальной силы, ему, можетъ быть, и не пришлось себѣ ставить вопросъ, какъ къ намъ относиться.

Что касается до министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпина, то въ его поведеніи и главное прежней дѣятельности можно было найти болѣе существенныя указанія для рѣшенія интересующаго насъ вопроса.

Какъ губернаторъ, онъ *преблагодушно* допустилъ революцію выжечь и разграбить свою губернію, какъ министръ въ кабинетѣ Горемыкина, онъ отдалъ рабочихъ, принадлежащихъ къ Союзу Русскаго Народа, на растерзаніе „прогрессивной“ черни и на угнетеніе и гоненіе со стороны революціонныхъ администрацій фабрикъ и заводовъ. Допускалъ онъ все это не потому, чтобы сочувствовалъ революціи. О, нѣтъ! Въ этомъ его заподозрить никто не можетъ. А только вслѣдствіе того, что онъ убѣжденный конституціоналистъ. Что и

проявилось болѣе ярко и выпукло тогда, когда онъ въ свою очередь сдѣлался главою кабинета.

Однако будемъ продолжать. Неудача на выборахъ отнюдь не ослабила нашего движенія, а наоборотъ, оно съ каждымъ днемъ все усиливалось. Прелести конституціоннаго режима многими открыли глаза, народъ началъ одумываться, провинція стала подыматься. Но вотъ Дума распущена и Столыпинъ сдѣлался премьеръ-министромъ. Естественно было казалось ждать измѣненія выборнаго закона. Однако министерство хранило упорное молчаніе и лишь въ своихъ офиціальныхъ сообщеніяхъ твердило о томъ, „что спокойствіе начинается возстановляться“. Какъ вдругъ случилось 12-е августа, прямо показавшееся самому Господину Премьеру то, что было ясно и раньше всѣмъ не сидѣвшимъ въ бюрократическихъ кабинетахъ, т. е. что революція идетъ полнымъ ходомъ и что ни о какомъ „успокоеніи“ не можетъ быть и рѣчи.

Тогда нашему министерскому Колумбу, открывшему сію всѣмъ извѣстную Америку, пришлось отъ словъ перейти къ дѣлу. Были созданы военно-полевые суды. Не могу здѣсь не отвлечься въ сторону и не указать на всю бессмысленность этого института въ той формѣ и въ той обстановкѣ, въ какихъ онъ былъ поставленъ. Что можетъ быть дѣйствительно негнѣе и пожалуй безнравственнѣе, какъ карать смертью нафантазированной молодежи въ то время, какъ ея вдохновители и руководители остаются безнаказанными и печатно и устно продолжаютъ свою ужасную проповѣдь крови и разрушенія?! *А сказать въ Думѣ: не испугаете и отказаться отменить полевые суды и въ то же время испугаться и ихъ не примыкать это ужъ Богъ знаетъ что!?*

Кромѣ военно-полевыхъ судовъ предстояло однако озаботиться и о выборахъ во вторую Думу, которые были не за горами и вотъ въ этомъ направлении были сдѣланы соотвѣтствующіе шаги.

Въ концѣ августа и въ началѣ сентября у насъ былъ въ Петербургѣ съѣздъ отдѣловъ Союза Русскаго Народа (Союзъ къ этому времени насчитывалъ уже болѣе 100 отдѣловъ).

Пріѣхавъ изъ деревни, гдѣ я провелъ три дѣтнихъ мѣсяца, къ этому съѣзду, я къ удивленію своему былъ свидѣтелемъ неоднократныхъ споровъ на тему: нашъ Столыпинъ или не нашъ. Я говорю „съ удивленіемъ“, ибо для меня этотъ вопросъ былъ уже давно рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. По окончаніи съѣзда, ввиду того, что Государь находился въ это время въ Финляндіи и не могъ принять депутаціи, съѣздъ представилъ выработанныя имъ резолюціи премьеру, съ просьбой передать все Императору. Столыпинъ очень любезно принявъ депутацію въ числѣ болѣе 30 человекъ и долго съ ними бесѣдовалъ, заверяя, что онъ вполне солидаренъ съ нами, чѣмъ многихъ и убѣдилъ. Единственной фальшивой ноткой во время разговора, какъ мнѣ передавали очевидцы, было стремленіе убѣдить въ необходимости блока съ Союзомъ 17 октября и въ просьбѣ не оглашать слышаннаго отъ него. Долженъ сказать, что тенденція на упомянутый блокъ проскользнула и на съѣздѣ, но была *единогласно* отвергнута всѣми 55-ю съѣхавшимися председателями отдѣловъ. А между тѣмъ стремленіе Столыпина устроить этотъ блокъ было вполне понятно. При помощи этого блока онъ думалъ создать октябристское большинство въ Думѣ имѣя превратное представление о силахъ этого Союза.

Онъ заранѣе мечталъ о томъ, какъ послушное его дирижерской палочки конституціонно-бесцвѣтное большинство будетъ принимать одинъ за другимъ всю ту массу законовъ, проектовъ и положеній, которые усиленно строчились въ то время во всѣхъ министерствахъ, департаментахъ и канцеляріяхъ. А для цыганности преній на правомъ крылѣ будетъ сидѣть обманутая имъ кучка монархистовъ, а налѣво человекъ 20—30 учтивыхъ

кадетиковъ. Для того же, чтобы сдѣлать такую картину еще болѣе вѣроятной, сенатъ своими разясненіями суживалъ кругъ избирателей.

Какимъ же образомъ, спросите вы меня читатель, П. А. Столыпинъ могъ такъ грубо ошибиться въ расчетахъ? И что помѣшало имъ исполниться? На это есть нѣсколько причинъ. Первая: это наше неожиданное упорство и нежеланіе заключать блока (почему мы упорствовали, объ этомъ скажу когда нибудь въ другой разъ). Вторая: не было принято во вниманіе, что крайніе лѣвые, не принявшіе участія въ выборахъ въ первую Думу (ибо не вѣрили, чтобы правительство было настолько глупо, что пустить ихъ въ законодатели) теперь выступать активно. Третья, о которой я уже говорилъ, это невѣрное представленіе о силахъ Союза 17 октября, основанное на сообщеніяхъ официальной и офиціозной печати, а можетъ быть и на невѣрныхъ министерскихъ свѣдѣніяхъ.

Вѣроятно впрочемъ и на Столыпина находило сомнѣніе. Но что-жъ ему было дѣлать? Открыто стать на сторону правыхъ, снабдить ихъ солидной денежной поддержкой? Но вѣдь тогда бы онъ рисковалъ, тѣмъ, что монархистовъ будетъ большинство, которые не потерпятъ конституціонно-бюрократическаго строя. Мѣнять избирательный законъ? Но въ какую сторону? Въ сторону правыхъ или лѣвыхъ? Какъ конституціоналисты, онъ не могъ его мѣнять безъ Думы. А если бы и вздумалъ мѣнять, „рѣшившись на такой антиконституціонный актъ“, то могъ это сдѣлать только въ нашу сторону. Вотъ почему не былъ измѣненъ избирательный законъ!.. Вѣдь намъ не сочувствовали. Нами хотѣли воспользоваться, какъ средствомъ, противовѣсомъ, противъ крайнихъ лѣвыхъ и по минованіи надобности раздавить насъ, а совсѣмъ не доставлять намъ торжество и побѣду. *Насъ хотѣли стративать на борьбу съ революціонными элементами; ослабить этою борьбою тѣхъ и другихъ и провести конституцію. Мы должны*

были своими тѣлами изобразить ту стѣну, за которую должна была укрыться отъ разъяренныхъ стихій революціи наша бюрократія, но слѣдовало зорко слѣдять за тѣмъ, чтобы эта стѣна не сдѣлалась бы черезчуръ высокой и крѣпкой, а то...

И вотъ съ декабрія мѣсяца начинается цѣлый рядъ „мѣропріятій“ въ этомъ направленіи. Сила вполне реальная, каковую представляютъ монархическо-національныя партіи и союзы, принимаетъ такіе размѣры, что явилось настоятельной потребностью не только во что бы то ни стало прекратить ея дальнѣйшій ростъ, но и найти средства держать эту силу въ своихъ рукахъ, имѣть возможность ею руководить, а для этого надо было найти узду. И такая узда (конечно, только въ воображеніи гг. бюрократовъ) была найдена... Но эта тоненькая ниточка, которая существуетъ вмѣсто воображаемой узды порвется, когда будетъ нужно, очень легко. Тѣ же, что за нее будутъ тянуть могутъ упасть, когда она разорвется и очень больно расшибиться...

* * *

Результатъ выборовъ какъ я уже упоминалъ, перевернулъ всѣ расчеты Столыпина и если раньше онъ намъ просто не сочувствовалъ, то теперь у него явилось прямо чувство недоброжелательства, какъ къ помѣшавшимъ его ловкой политической комбинаціи. И если бы онъ могъ послѣдовать своему желанію, то онъ объявилъ бы намъ открытую войну.

Къ счастью, однако, время, когда намъ могли бы быть страшны тѣ или иные ходы правительства, миновало. Великое народное движеніе теперь не остановить никакимъ декретомъ. А потому, если нельзя вести открытую войну, то сохраняя, какъ говорятъ французы, лицо, слѣдуетъ начать рядъ партизанскихъ мелкихъ атакъ! И эти атаки начались!..

* * *

Почему же спросите вы, если Столыпинъ конституціоналистъ, онъ не распускаетъ революціонную Думу? (А что она революціонна, доказывать, какъ мнѣ кажется, не стоитъ!) Единственный рациональный, вѣрный отвѣтъ можно найти только въ страшномъ честолюбіи г. Столыпина. Онъ отлично понимаетъ, что распусти онъ Думу—онъ долженъ уйти и самъ. Ибо всякому ясно, что министр, вопреки всему, утверждавшій, что соберетъ работоспособную Думу и собравшій революціонную, долженъ уйти съ своего поста въ тотъ моментъ, когда признается въ совершенной имъ грубой политической ошибкѣ.

И вотъ въ жертву честолюбія привносится спокойствіе, а можетъ быть и сама судьба не только нашей Родины, но и судьба Царя и Православной Церкви...

Той же правотѣрной конституціонностью Столыпина только и можно объяснять, что революція до сихъ поръ не подавлена.

Если насъ въ былое время (не теперь, когда уже мы представляемъ грозную силу, а въ самомъ началѣ движенія), *насъ* не раздавили, хотя намъ не сочувствовали; *не раздавили*, желая создать противовѣсъ революціи, когда всѣ передъ ней спасовали и оказались безсильными, то и теперь, когда наше движеніе растетъ не по днямъ, а по часамъ, въ противовѣсъ намъ надо держать въ запасъ революцію.

И вотъ почему ея не слѣдуетъ уничтожать!

А почему же бояться такъ нашей побѣды? Кто и въ чемъ здѣсь усматриваетъ опасность?

Боятся этой побѣды революція, но боятся и бюрократія, которая отлично понимаетъ, что одержи мы побѣду, ей не сдобровать. Она отлично понимаетъ, что старый порядокъ уже не вернется, но и не тужить объ этомъ. Она понимаетъ, что при конституціонномъ строе (будь то монархическій или республиканскій его видъ), она получить еще большія права, большую силу, чѣмъ раньше и

потому не боится ни конституціи, ни революціи. Она боится только насъ, ибо знаетъ, что при возстановленіи Истиннаго Самодержавія, ей будетъ нанесенъ столь сильный ударъ, отъ котораго ей уже никогда не оправиться.

Конечно бюрократіи непріятна и революція, ибо хотя бы временно, но она должна пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ, а потому она сплошь конституціонна.

И вотъ въ сплошь конституціонной бюрократіи конституціонный министр Столыпинъ и почерпнулъ храбрость, чтобы въ Думѣ хвастливо сказать „не запугаете“. Бюрократическіе аппетиты и шкурные интересы чиновнаго міра, вотъ одна изъ двухъ главныхъ опоръ, многоуважаемый Аполлонъ Аполлоновичъ Майковъ, на которыя рассчитываетъ нашъ премьеръ и про которыя вы спрашиваете въ вашей статьѣ, „Свершается“. А второй, мнѣ думается, я уже достаточно сказалъ: это надежда, что революція и самодержавная монархія пожрутъ другъ друга.

* * *

И такъ съ одной стороны мы ведемъ грудь съ грудью смертный бой съ революціей, которая идетъ на насъ съ бомбами, револьверами, ядомъ, кинжалами, грабежами и пожарами, идетъ со всей мощью полувѣковой масонско-иллюминатско-соціалистической организованности и съ громадными еврейскими капиталами, а въ тылу у насъ работаютъ партизанскіе отряды конституціонной бюрократіи, готовой съ минуты на минуту объявить намъ открытую войну. Выяснивъ все это, т. е. зная отношенія къ намъ различныхъ общественныхъ силъ, можно поставить вопросъ и о томъ, что намъ дѣлать?

Я вижу два возможныхъ для насъ рѣшенія: или вести борьбу на оба фронта, или временно уйти съ поля битвы, предоставивъ революціи съ конституціонной бюрократіей раздѣляться между собой, какъ они сами знаютъ, а когда кто-нибудь

изъ нихъ одолѣеть, то всею своею массою навалиться на побѣдителя, который, ослабленный борьбой, несомнѣнно и будетъ нами раздавленъ; т. е. или продолжать нашу теперешнюю борьбу или принять тактику г. Столыпина. Первое честнѣе, второе выгоднѣе. Рѣшить же, которое изъ нихъ принять, зависитъ отъ подсчета нашихъ силъ, что и слѣдуетъ сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ.

Викторъ Соколовъ.

